

The top half of the cover features a romantic couple. A man with dark hair and a beard, wearing a light blue shirt and a dark bow tie, is holding a woman. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a blue, lace-trimmed dress with a large blue bow at the waist. They are standing on a beach at sunset, with palm trees and a small table with lanterns in the background. The sky is a mix of orange, yellow, and purple.

Марина Эльденберт, Валерия Чернованова

МежМировая няня,  
или Любовь зла, полюбишь и короля

Фэнтези • Любовный роман • Юмор



МежМировая няня

Марина Эльденберт

**МежМировая няня, или Любовь  
зла, полюбишь и короля**

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

**Эльденберт М.**

МежМировая няня, или Любовь зла, полюбишь и короля /  
М. Эльденберт — «АЛЬФА-КНИГА», 2019 — (МежМировая  
няня)

ISBN 978-5-9922-3004-8

Бывает, уволишься сгоряча и – вуаля! Ты безработная няня, застрявшая в теле бывшей актрисы, в мире, которым правят богачи вроде Алмазного короля. Фернан Демаре по праву считается самым могущественным человеком Ньерры, обладающим не только золотым запасом магии, но и самым скверным характером на свете. Что же касается меня... Я не хочу иметь с этим мужчиной ничего общего! Но, кажется, у судьбы на этот счет свое мнение, и она постоянно сталкивает нас вместе. Вот только я буду не я, если позволю этой капризной даме диктовать мне условия... И уж точно больше НИКОГДА не окажусь у ног Алмазного короля!

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3004-8

© Эльденберт М., 2019  
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# Валерия Чернованова, Марина Эльденберт

## МежМировая няня, или Любовь зла, полюбишь и короля

### Глава 1 Охота на нянь

*Ира Илларионова*

– Мирэль Тонэ!

Я резко обернулась, ладонями стирая пелену слез, чтобы увидеть надвигающегося Демаре.

– Стой на месте! – последовал приказ.

Да сейчас!

Шагнула назад, намереваясь развернуться и бежать, но подо мной внезапно кончилась земля. Хлипкие ленты с треском надорвались, и я полетела вниз.

К счастью, далеко улететь не успела: тьму надо мной разрезала слепящая вспышка света. Фьють! – и магическое лассо обвилось вокруг талии, яростно дернув меня обратно. На грешную землю, к ногам алмазного гада.

К ногам. Гада.

Ну, это уже прямо дежавю в квадрате.

– Сумасшедшая, – поставил мне диагноз его бриллианство, не спеша протягивать руку, а продолжая сверлить меня мрачным взглядом.

Впрочем, я бы за нее все равно не ухватилась, поднялась своими силами и, отряхивая юбку, зло процедила:

– Что вы здесь делаете?

– Вас, мирэль Тонэ, могу спросить о том же, – сощурился Демаре.

Лассо мягко втянулось в перстень, и гравировка на нем померкла.

– Не имею привычки отчитываться перед незнакомцами.

Попыталась его обойти и почувствовала, как жесткие пальцы впиваются мне в локоть.

– Селани!

При упоминании имени Тонэ во мне как будто что-то взорвалось. Атомная бомба, не иначе.

– Ненавижу! – резко обернувшись, прошипела ему в лицо. – Ненавижу вас... тебя! Видеть тебя не могу и не хочу! И не буду! Отпусти сейчас же!

Отпустить отпустил, но не успела я сделать и нескольких шагов, как в спину ударило холодом, способным проморозить не то что холм – всю столицу затянуть льдом.

– Ты все еще работаешь на меня.

Даже удивительно, что в ту ночь на холме Расцвета не появилась вторая статуя, возведенная в честь Иры-попаданки, бывшей актрисы и няни. Тоже бывшей.

О чем я и напомнила маггангстеру, остановившись:

– Работала. Но ты меня уволил, и я с радостью ушла!

Вернее, сбежала, но это неважные детали.

– Контракт еще не расторгнут.

– Валяй, расторгай. – Это уже не оборачиваясь.

Демаре не спешил оставлять меня в покое, шел за мной по пятам.

– С удовольствием. Но не раньше, чем найду новую няню для девочек. Сейчас вы поедете со мной, мирэль Тонэ.

– А если не поеду? – Я с такой яростью шагнула на первую ступеньку (одну из многочисленных, что убегали вниз по зеленому склону), что от моего каблука лишь чудом во все стороны не расползлись трещины.

– Мне придется принять меры.

– Меры? – фыркнула я. – Оштрафуешь еще на одну зарплату? Или отвезешь к полиссам? Пожалуйста! Можешь отвозить и штрафовать.

– Тебе надо успокоиться.

– А тебе не надо быть такой сволочью!

– Согласен, на празднике я позволил себе лишнего. – Теперь он шел рядом, своим плечом задевая мое, и от этого хотелось не то столкнуть его с холма, не то самой с него скатиться, чтобы оказаться как можно дальше от его чертова величества и не чувствовать, как от его близости все волосы на коже встают дыбом.

– О не-э-эт... – Я снова притормозила, чтобы посмотреть Демаре в глаза, мечтая проделать в его бриллиантовой башке скважину размером с эту самую башку. – Протащить няню своих детей по всему дому на глазах у прислуги – это не лишнее. Это за гранью допустимого.

– Тебе напомнить о том лишнем, что позволила себе ты? – изогнул он брови. – Напомнить, как таяла у меня в руках во время танца, а потом заявила, что тебя от меня тошнит?

Вдохнула. Выдохнула. И, соскребая (уже не соскребавшиеся) остатки выдержки, проговорила:

– Фернан, я не твоя жена, я не твоя любовница. Я тебе никто! Это был всего лишь танец, и я тебе ничего не должна, как и ты мне.

– А до этого были поцелуи, на которые ты отвечала и которых ты желала, – произнес он таким тоном, как если бы находился на совещании с деловым партнером, а не говорил с женщиной, с которой...

Ой, все.

– Как ты меня вообще нашел? – свернула с запретной темы и ускорила шаг, уже всерьез подумывая над вариантом скатиться самой или скатить эту мируароскотину.

– С помощью кристалла Таари.

Я ни черта не поняла, но в тот момент горячо пожелала расколотить этот самый кристалл о голову его величества.

– Вот с помощью него и ищи себе новую няню.

– Найду, не сомневайся. А пока буду искать, ты будешь заботиться о моих дочерях. – Холодно и невозмутимо. – В противном случае с рекомендациями, которые получишь, сможешь надеяться только на работу поломойки в какой-нибудь третьесортной забегаловке.

– Всю жизнь мечтала работать поломойкой в какой-нибудь третьесортной забегаловке, – ответила на полном серьезе.

– Ты сейчас не в себе, – не унимался Демаре. – Успокоишься, тогда и поговорим.

Вот это уж точно. Я не в себе. Я в теле актрисы, которая непонятно зачем сдалась правителю всея Ньерры.

– Садись в машину, – повторил он, когда мы оба (как ни странно, целые и невредимые) спустились по ступеням к маленькой площади, в центре которой поблескивал в свете фонарей фонтан, а чуть поодаль стоял припаркованный автомобиль Демаре.

И больше ни души. Ни людей, ни машин.

Было уже далеко за полночь, до холма Расцвета я добралась пешком, но сейчас идти через добрую половину города одной, на своих двоих... Пусть я и не в себе, но не сумасшедшая, каковой меня считает Демаре.

– Только при условии, если довезешь меня до «Маль-Рояля».

И снова нахмуренный взгляд из-под опущенных ресниц.

– Вообще-то у меня сегодня выходной, – добавила, пряча на груди руки.

– Садитесь в машину, мирэль Тонэ. Отвезу вас в отель. – С этими словами и каким-то безнадежным вздохом Демаре занял место водителя.

Я устроилась на заднем сиденье, от него подальше.

Ехали молча. Я бездумно пялилась на ночной город, раскрашенный огнями, подсвечивавшими мостовую и аккуратные, как будто нарисованные фасады. Взгляд цеплялся за редких прохожих, за яркие вывески ресторанов, казино и баров. Может, стоило пойти пешком, ничего бы со мной не случилось, но не уверена, что мне бы хватило сил куда-нибудь дойти. Сейчас я чувствовала какую-то отупляющую усталость, от которой слипались глаза и противно гудела голова.

К счастью, его величество оказался не самой последней сволочью: довез меня туда, куда пообещал. Когда машина остановилась возле бело-красного навеса над входом в отель, я, собрав в кулак последние силы, с трудом выползла наружу.

– Завтра заеду за своими вещами, – предупредила, добавив: – И за рекомендациями поло- мойки.

– Зачем вам в «Маль-Рояль», мирэль Тонэ? – хмуро спросил Демаре. – Вы можете спокойно заночевать в своей комнате, а завтра утром соберете вещи. Возможно, за это время успокоитесь и...

– Увы, я опаздываю на оргию, – перебила Алмазного короля. – С участием мируара Шерро и еще кучи мужиков. Но вы, неуважаемый, на нее не приглашены. Всего недоброго!

Пошло все к черту.

С этой жизнеутверждающей мыслью я направилась в гостиницу.

С этим же кредо завалилась спать, даже не раздеваясь. Все, на что меня хватило, – это скинуть туфли и рухнуть лицом в подушки. Одну из которых я и обняла, перевернувшись набок. Подтянула к груди колени и отключилась до самого обеда.

Обед, к слову, мне подали прямо в номер, с улыбками и пожеланиями всего самого наилучшего. Наверное, молоденький официант надеялся на хрустящую купюру за сервис и прочее, но у меня этих купюр было не то чтобы очень много. Поэтому я тоже от души ему поулыбалась, пожелала приятного дня, щедрых постояльцев и добрых хозяев, после чего захлопнула дверь перед заметно скисшей физиономией парня и отправилась топиться в ванной. В смысле купаться.

Хотя вариант с утоплением тоже рассматривался, потому что ситуация, в которой оказалась, была совсем не радужной. Сегодня и завтра до полудня я БОИ – безработная отельная иномирянка, ну а после стану ББИ (иномирянкой безработной и бездомной). Жить в «Маль-Рояле», если у тебя за душой одно заложенное кольцо и огрызок аванса, не вариант. Искать гостиницу попроще – тоже. А снимать жилье, боюсь, денег банально не хватит.

Что остается? Само собой, искать работу! Той же няней с проживанием в доме хозяев. А почему бы и нет? Можно подумать, только у Демаре в Мальмаре есть дети, и только они нуждаются в гувернантке.

Девочки...

Я опустила на бортик ванны, подтянула повыше полотенце, в которое завернулась после купания, и шмыгнула носом. Я старалась о них не думать. Честно старалась. Но не думать не получалось. Как они приняли известие о моем исчезновении? Обиделись ли, переживают? Что сейчас чувствуют?

Вчерашний день должен был стать для них одним из самых счастливых, а мы с Демаре (вернее, конечно же один Демаре!) его испортили... Испортил. Только ради того, чтобы с ними попрощаться, я должна вернуться в дом алмазного тирана. С Реми поиграть в последний раз. И крепко-крепко обнять своих малышей...



На этой мысли я резко очнулась и отвесила себе воображаемый подзатыльник. Они не твои малышки, Ира! Твои воспитанники, твоя жизнь, твой мужчина остались в другом мире. В твоём мире.

А здесь ты пришлая, чужачка, которой в первую очередь нужно просто выжить. Возможно, Миша услышал мой отчаянный крик, обращенный к нему, по крайней мере, я на это очень надеялась. Главное, чтобы поверил, чтобы начал искать. И я тоже не сдамся. Найду способ попасть в это их Ланси, с Шертонэ или без нее, разыщу потомка племени, перерою все местные библиотеки... Что угодно! Но отыщу обратную дорогу на Землю.

Главное, чтобы в процессе поисков мной не заинтересовались агенты МОРГа.

Отмахнувшись от этой мысли, я перетащила поднос на балкон и, опустившись в плетеное кресло, с жадностью набросилась на еду. Пока ублажала свой желудок, любовалась чистым небом, незаметно втекавшим в Азалийское море. Как всегда, голубое и безмятежное, оно простиралось до самого горизонта, омывая светлые, словно бархатные, берега Мальмара. А я ведь еще ни разу не бывала на пляже...

Пойду! Сразу после того, как попрощаюсь с девочками. Накуплю газет, сяду на берегу и буду просматривать колонки с объявлениями. Подумывала также вернуться на холм и поискать руну, но мадам Лилит сказала, что я лишь раз смогу связаться со своими близкими, а потом руна станет бесполезной.

Так ли это – не знаю, но на холм Расцвета возвращаться мне совершенно не улыбалось. Не хочу быть там и вспоминать, что случилось вчера. Это все в прошлом. Как и Демаре с его заскоками и приступами беспричинной ревности.

Плотно поев, я привела в порядок платье (после очередного приземления к ногам бриллиантового супостата оно было не в лучшем состоянии), уложила волосы по здешней моде, став похожей на кинодиву двадцатых годов прошлого земного века. Сунув в сумочку местные деньги, брони, в последний раз глянула на себя в зеркало, на синеокую красавицу Селани Тонэ, к телу которой уже, кажется, почти привыкла.

Отвесив себе еще один мысленный подзатыльник (чтобы не привыкала дальше), вышла из номера и отправилась к Демаре. Пешком, потому что решила не тратиться на такси.

Всего каких-то полчаса прогулки по чистеньким, аккуратным зеленым улочкам, и вот уже стою у ворот дома кошмаров. Ладно, не буду перегибать палку – случалось в этом доме со мной и приятное, в основном связанное с близняшками. Но было много и того, о чем не терпелось забыть.

Одно такое «забыть» открыло мне дверь и возмущенно выдохнуло:

– Мирэль Тонэ!

Словно я одним своим видом посмела его оскорбить.

– А вы не изменяете себе. – Отодвинув дворецкого, потому что тот и не думал отходить в сторону, я вошла в просторный холл.

Вошла с желанием скорее из него выйти. И услышала ехидное:

– Пришли на новое собеседование? Не уверен, что на этот раз мируар одобрит вашу кандидатуру.

– Не уверена, что в этот раз сдержусь и не тресну вас вот этим, – взглядом указала на поднос с бокалами, который Жужжен держал на ладони.

Из гостиной доносились негромкие голоса, но выяснить, что там за сборы, я не успела. Заметила показавшихся на вершине лестницы девочек и позабыла обо всем на свете.

Особенно когда они, заулыбавшись, с радостным визгом «мирэль Тонэ!» понеслись ко мне.

Кристин и Аделин слетели по ступеням как розовый и голубой метеоры.

– Вы вернулись! – издала победный клич первая близняшка.

А вторая ликующе добавила:



– А я и не сомневалась!

– Мы так и сказали папе: нам не нужна никакая другая няня.

– И мы знали, что вы останетесь с нами. Знали!

Девочки счастливо рассмеялись.

Наверное, только присутствие Жужжена, с кислой миной наблюдавшего, как я обнимаю малышей, не позволило мне разреваться. Хотя глаза щипало, и в груди тоже что-то пощипывало. Больно так, противно.

Отвратительное ощущение.

– Девочки... – Я не сдержалась, поцеловала Аделин в щеку, крепче прижала к себе Кристин.

– Пойдемте с нами, мирэль Тонэ! – схватила она меня за руку и потянула за собой к лестнице.

– Мы вам покажем, где теперь живет Реми, – перепрыгивая через ступени, весело сказала Аделин.

– Он тоже по вам скучал, – тихо призналась Кристин.

– Как и мы, – шепотом поддержала ее сестра.

Вот теперь мне хотелось застрелиться, оглохнуть, ослепнуть и чтобы сердце прямо сейчас превратилось в булыжник, вместо того чтобы разрываться на части.

Пока поднимались вверх, близняшки наперебой рассказывали обо всем, что происходило после моего исчезновения.

– Дяде Десмонду стало плохо, – начала Кристин.

– И он упал, – как обычно, подхватила другая девочка.

– Его положили в машину и увезли.

– А мирэль Варан осталась. – Аделин смешно поморщилась, всем своим видом показывая, какого она мнения о кухне матери.

– Папа вчера сказал, что вы взяли выходной, – проговорила Кристин, открывая дверь в детскую.

– А утром – что уволились, – тряхнула кудряшками, собранными в хвост, девочка.

– И что больше никогда не вернетесь. Как мама... – чуть слышно закончила Кристин.

Тресните меня кто-нибудь посильнее, пожалуйста! Чтобы я сначала отключилась, а потом обзавелась долгоиграющей амнезией.

Девочка отпустила мою руку и подбежала к Реми, развалившемуся в плетеной корзине на мягкой стеганой подушке.

К тому моменту сердце уже не обливалось кровью, оно рыдало кровавыми слезами. Слезы застилали мне глаза, когда я опустила на корточки перед корзиной с фидруаром и погладила малыша, почесав его у самого крылышка. Реми издал непонятный звук: не то всхрипнул, не то приглушенно муркнул и перевернулся на спину, умилительно раскинув лапы.

– Мы ведь потом с ним погуляем? – присаживаясь на пол со мною рядом, спросила Аделин.

– Когда уйдут все эти, – наморщила носик Кристин, имея в виду столпотворение мирэль в гостиной. Набрав в легкие побольше воздуха, она пожаловалась: – Мы ему сразу сказали, что нам не нужна новая няня, а он все равно их пригласил!

– Но теперь пусть уходят, – провела ладонью по пузу спящего (или умело притворяющегося таковым) коточебурона Аделин.

– Девочки... – Ногти вонзились в ладони, но я не почувствовала боли; только ту, от которой с каждой секундой все сильнее в груди ныло сердце. – Девочки, ваш папа сказал правду: я не могу остаться с вами, мне придется уйти.

Жаль, нельзя проглотить слова обратно. Я бы сделала все, лишь бы не видеть, как гаснут их глаза, как с губ стираются улыбки.

Не понимая, что творю, притянула их к себе, обняла крепко и зашептала:

– Мне будет вас не хватать. Сильно-сильно. Так сильно, что я бы многое, очень многое отдала, лишь бы все было по-другому и я могла остаться.

– Ну так оставайтесь, – хлюпнула носом Аделин.

– Не могу, милая, – прижалась губами к ручке девочки и тихо проговорила: – Возможно, очень скоро мне придется уехать.

– Зачем?

Все это время Кристин молчала. Стояла не шевелясь. Позволяя себя гладить и обнимать. Я только видела, как начинают блестеть, наполняясь слезами, ее глаза, а когда она прошептала это свое еле слышное «зачем?», я запнулась, растерялась, не зная, как объяснить, кто я и почему вынуждена уйти. Пара секунд давящей тишины, и девочка вырвалась из моих рук.

Отшатнулась от меня, выкрикнула:

– Вы такая же, как она! Ненавижу вас!

Прежде чем я успела сказать хоть слово, прежде чем успела сделать хотя бы вздох, Кристин толкнула дверь и выбежала из комнаты. Аделин вывернулась из моих рук и упала на кровать.

– Уходите!

– Аделин...

– Уходите! Уходите! Уходите!..

Даваясь слезами, я выскочила из комнаты. Вбежала в соседнюю, схватила какую-то одежду. Затолкала это тряпье в первый попавшийся бумажный пакет и рванула к лестнице. Сбежала с нее, путаясь в ногах, путаясь в собственных чувствах и мыслях. Одно зная точно: так плохо и так больно мне еще никогда не было.

– Мирэль Тонэ! – У лестницы меня поджидал Демаре, которого я попыталась обойти и который по старой скверной привычке, схватив меня за руку, резко развернул к себе. – Что с вами такое?

– Вещи вот собирала, – ответила невпопад и потрясла пакетом перед носом бывшего работодателя. После чего рванула от него как от прокаженного, едва не налетев на маячившего за спиной Жужжена.

Рванулась от обжигающего прикосновения, от его голоса.

От него.

– Вы плакали, – констатировал Демаре.

– Вы подготовили мои рекомендации? – провела по лицу рукой, стирая дурацкие слезы.

Не хочу, чтобы он их видел, и видеть его не хочу.

– Договор еще не расторгнут, мирэль Тонэ.

– Ну так расторгайте скорее! – выкрикнула я.

Больше не оборачиваясь, подскочила к двери. Опередила Жужжена, так торопившегося ее для меня открыть, дернула дверь на себя и вылетела на улицу.

Бросилась прочь с такой скоростью, как если бы за мной гналась стая диких фидруаров. Не чувствуя под собой ног, добежала до крыльца и пустилась дальше вверх по улице. Смотрела перед собой, но из-за мутной пелены, которая никак не желала сползать с глаз, не видела ничего.

Не сразу сообразила, что налетела на какого-то детину и что он обратился ко мне по имени:

– Мирэль Тонэ!

Взгляд скользнул по черной униформе, по золотым эполетам и хмурой усатой физиономии.

Меня подхватили под руку.

С другой стороны возник такой же мрачный тип в форменном костюме и ничего не выражающим голосом проговорил:

– Пройдемте с нами, мирэль.

«И отвезут меня сейчас в МОРГ, а потом... тоже в морг», – это была первая мысль, посетившая мое не слишком ясное сознание.

Вторая, паническая «стерва Селани меня сдала!» так толком и не успела сформироваться. Я просто-напросто задавила ее в зародыше, здраво рассудив, что сейчас не время терять голову еще и от страха.

Дернула рукой, сбрасывая с локтя сосисочные пальцы представителя порядка, и холодно произнесла:

– Для начала, пожалуйста, представьтесь.

– Детектив Антуан Гроссо, – назвался высокий тучный мужчина, лицо которого отчего-то показалось мне знакомым. – А это мой коллега – Жорж Бертлен.

Точно! Это с ним, с этим уса́тым типом по имени Гроссо, Демаре прощался на прошлой неделе возле «Лолы». От сердца сразу отлегло. Не агенты МОРГа – и то хорошо.

– Мы с вами встречались однажды, когда мирэль Демаре только пропала. Вы тогда еще были актрисой, а не няней, – продолжал детектив, оглядывая меня с ног до головы.

– Ах да, что-то припоминаю...

Наверняка, когда Жизель исчезла, всех, кто входил в ее окружение, допрашивали. И Селани в том числе.

– С вами все в порядке, мирэль Тонэ? – продолжая визуальное сканирование, спросил Гроссо.

Объяснить свой заплаканный вид как-то было нужно. Обманывать я не стала, просто сказала:

– С сегодняшнего дня я больше не работаю у Демаре. Расставание с девочками вышло тяжелым.

Таким тяжелым, что мне до сих пор хотелось, чтобы на меня из ближайшего окна упал рояль, чтобы я провалилась в канализационный люк, ну или на худой конец меня переехал грузовик.

Я даже согласна на все и сразу, если это поможет избавиться от щемящего чувства тоски.

– О нем-то, о Фернанде Демаре, мы с вами и хотели поговорить, – подал голос молчавший до сих пор полиссар номер два – мужчина лет тридцати, с густыми темными бакенбардами, как у какого-нибудь мистера Дарси.

– Не уверена, что смогу оказаться вам полезной.

– А вот это позвольте решать нам, мирэль. Прошу, – уже более настойчиво проговорил Гроссо и широким шагом направился к машине.

«Главное, что не в МОРГ», – по дороге в полиссарский участок успокаивала я себя.

Пропетляв по узким улочкам города, автомобиль подъехал к тому самому зданию, что соседствовало с кофейней, в которой на нас с Демаре напали представители прессы. Парень с бакенбардами протянул мне руку, помогая выйти из машины, и предложил следовать за ними. Подхватив пакет, я направилась к входу в участок, обсаженному аккуратным стриженным зеленым кустарником. Газоны тоже радовали глаз своей опрятностью, как и мощенная красным кирпичом дорожка.

По длинному тусклому коридору мы прошли в кабинет мируара Гроссо, где меня попросили немного подождать. Полиссары ушли, и это их «немного» растянулось на добрые полчаса. За это время я успела познакомиться с нехитрой обстановкой казенного помещения: письменный стол, пара стульев для визитеров вроде меня, забитый папками шкаф и серый прямоугольник сейфа на стене. То, что это кабинет мируара Гроссо, я поняла, когда он вернулся и по-хозяйски развалился в потертом кресле. Его коллега Берт, или как его там, встал

у окна, своей широкой спиной приглушив солнечный свет, с горем пополам проникавший в одно-единственное окно.

– Не против, мирэль Тонэ, если я закурю? – спросил детектив, выдвигая ящик стола и доставая из него измятую пачку сигарет.

Я неопределенно пожала плечами: вопрос был риторическим, так как Гроссо щелкнул зажигалкой прежде, чем я успела хоть как-нибудь на него отреагировать.

– Значица, мирэль Тонэ, с нашего последнего разговора прошло ни много ни мало три месяца, – глубоко затянувшись и обдав меня облаком вонючего дыма, заговорил мужчина. – За это время вы успели уволиться из театра, прекратить отношения с антрепренером Ле Гранда, съехать от мируара Фриэля и перебраться к мируару Демаре.

Прозвучало так, словно я произвела рокировку не только в отношении работы, но и поменяла одного любовника на другого.

– Я прав?

– В общих чертах, – сдержанно отозвалась я.

– А что скажете насчет этого? – Детектив разложил передо мной вырезки из газеты. Той самой, которой не так давно потрясал передо мной Жутьен.

– Насколько мне известно, полиссары в своей работе обязаны полагаться на факты, а не на фантазии журналистов.

– Значит, вы не состоите в любовной связи с Фернаном Демаре?

В ответ на такое заявление я чуть не клацнула от злости зубами. Подалась вперед и сказала, четко выговаривая слова, чтобы дошло с первого раза и мне не пришлось повторяться:

– Не состояла, не состою и состоять не собираюсь. Это все, мируар Гроссо?

– Не все. – Мужчина снова затянулся, собираясь выпустить в меня очередную порцию вонючего дыма, так непохожего на горький вишневый аромат сигар его алмазного величества. – За то короткое время, что вы работали у Демаре, вам не приходилось замечать что-нибудь подозрительное в поведении вашего хозяина?

– Я недостаточно хорошо знаю мируара, чтобы замечать перемены в его поведении. Об этом вам лучше узнать у Этиля Жужжена.

Гроссо не то усмехнулся, не то поморщился, ясно давая понять, что допрашивать верного пса Алмазного короля бесполезно.

– Возможно, в доме Демаре вам попадалось на глаза что-нибудь необычное? Или, быть может, мируар встречался с кем-нибудь подозрительным?

– Дневник... – прошептала я, вспомнив о своей недавней находке на чердаке.

– Дневник? – сразу принял стойку детектив.

Выглядел он удивленным, я бы даже сказала немного перевозбужденным от того, что только что услышал. Значит, полиссарам неизвестно о записях Жизель. Значит... Ох, не нравится мне, что это может значить, и по-хорошему следовало сказать полиссарам правду, вот только...

Вот только сказала я совсем другое:

– Я имела в виду, что обычно мирэль любят вести всякие записи, дневники. Возможно, он был и у Жизель. Но раз вы не обнаружили ничего подобного в начале расследования, значит, ничего такого она и не вела.

– И вы не видели в доме Демаре никакого дневника? – раздосадованно крякнул полиссар. Секунда, другая... Дверь распахнулась в тот момент, когда я уверенно сказала:

– Не видела.

– Гроссо, что все это значит? – Хмурый взгляд Алмазного короля обрушился на служителя закона всей своей тяжестью.

Гроссо хотел было подняться, но упавший на него груз в несколько тонн алмазного внимания не позволил ему этого сделать.

Детектив опустил обратно в кресло, едва не уронив на пол сигарету.

– Мы просто беседуем, мируар Демаре, – проговорил так, как если бы каялся в самых страшных грехах.

Его величество сощурил глаза:

– Просто беседовать с мирэль Тонэ вы будете в присутствии моего адвоката. А сейчас вам пора прощаться. – В несколько шагов преодолев разделявшее нас расстояние, Алмазный король подхватил с пола бумажный пакет с моим немногочисленным скарбом и ничего не выражающим голосом проговорил: – Прошу, мирэль Тонэ.

Просил он как приказывал, но я не стала заикливаться на вредной привычке Демаре повелевать всем и каждым. По крайней мере, не сейчас. Потому что если выбирать между обществом Гроссо и обществом бриллиантового магната, второе было предпочтительнее и желаннее. Хотя бы потому, что, оказавшись за стенами полиссарского участка, мы с его величеством сразу распрощаемся. Детектив же, судя по тому, что впился в меня пираньей, пока не сожрет, не отстанет.

– Как вы узнали, где я? – спросила, когда за нами закрылась дверь полиссарского кабинета.

– У меня есть связи в участке.

Ну, точно гангстер.

Мысль о дневнике Жизель, которым Демаре не стал делиться с полицией, занозой засела в голове. Я бы и рада была от нее отмахнуться, ведь по большому счету это вообще не мое дело, но вот что-то не отмахивалось. Я продолжала думать о своей находке и задавалась вопросом, а правильно ли поступила, солгав представителю власти.

– У вас же в разгаре кастинг, – попыталась направить свои мысли в другое русло.

– У меня в разгаре одна синеглазая проблема.

– Меня бы здесь не съели.

– Но могли продержаться до самого вечера, если не больше. Да и здешние детективы не отличаются особой тактичностью.

Я даже запнулась от такого заявления.

– Значит, обо мне беспокоились?

А не за то, что расскажу о кое-чьих записях.

Фернан распахнул передо мной двери участка и сказал, пропуская вперед:

– Я не позволю, чтобы история Жизель затронула еще и вас, мирэль Тонэ. Вы не имеете никакого отношения к ее исчезновению, и если Гроссо или какой другой полиссар будет вас допрашивать, свяжитесь со мной, я все улажу. – Взгляд Демаре скользнул по моему лицу, задержавшись на губах, которые тут же нестерпимо захотелось облизать. – А сейчас мне и правда пора. Нужно представить дочерей второй няне.

– А что стало с первой?

На лице Алмазного короля промелькнула усталая улыбка.

– Продержалась полчаса. Надеюсь, вторая выстоит хотя бы до вечера. У меня сегодня важная встреча и...

– Я не сказала им о дневнике, – выпалила и замолчала, вглядываясь в лицо Фернана, следя за его реакцией.

Вот только никакой реакции не последовало, лицо оставалось бесстрастным.

– Я слышал, – кивнул Демаре. – И благодарен вам. Но если это будет вас мучить, можете вернуться и рассказать о дневнике Гроссо.

– Почему вы сами ему о нем не рассказали? – спросила тихо.

Демаре покачал головой.

– Потому что там нет ни слова правды, а то, что написано, может меня скомпрометировать.

– Хотите сказать, Жизель пыталась вас подставить? Но для чего ей это?

– Хочу сказать, что буду разбираться и выяснять, зачем моей жене понадобилось писать всю эту ересь. Теперь мне еще больше хочется найти Жизель. – Он кивнул мне на прощание и проговорил: – Всего доброго, мирэль Тонэ.

Протянул пакет, о котором я успела забыть, и в этот момент перстень на пальце Демаре вспыхнул. Я чуть не отпрыгнула назад с криком, когда над украшением показалась полупрозрачная голова Жужжена. Магическая голограмма подрагивала, то становясь четче, то расплываясь. Звуковая трансляция тоже оставляла желать лучшего – в голосе дворецкого слышалось какое-то потрескивание, съедавшее половину звуков.

Но самое главное мы услышали:

– Мируар Демаре! У мирэль Кристин... трр... трр... снова приступ! Ее повезли в больницу!

Лицо Алмазного короля словно окаменело. Он сдавил украшение, голограмма втянулась в перстень, а мы бросились к машине.

### *Селани Тонэ*

– Ирочка, ну улыбнись нам! Мы так соскучились по твоим улыбкам. Игорь Семенович говорит, что силы к тебе возвращаются очень быстро и что уже завтра-послезавтра мы сможем забрать тебя домой. Теперь все будет замечательно, солнышко ты наше! Ты даже представить себе не можешь, как мы счастливы!

Последние несколько минут Селани боролась с желанием швырнуть в эту вымогательницу улыбок подушкой, стукнуть ее журналом или (что было бы еще более приятно) сунуть ей в рот горький апельсиновый фрукт – не то апельсон, не то аросин. Чтобы наконец заткнулась и перестала вытряхивать из нее душу своей болтовней.

– Мам, а принеси мне чего-нибудь попить, – честно пытаясь растянуть губы в улыбке, а заодно стереть из мыслей заманчивую картину «Ирина мама с аросином», попросила Селани.

– Да, конечно, родная. – В очередной раз сжав руку «дочери», Ольга Семеновна поднялась. – Хочешь чаю или, может, сока?

– Второе, – неуверенно отозвалась мирэль Тонэ.

Проводила женщину хмурым взглядом и переключилась на невысокого лысеющего мужчину в клетчатом пиджаке.

«А папашка остался», – досадливо поморщилась Селани, вслух проговорив:

– Вам не обязательно все время находиться здесь.

– Но как же мы тебя оставим, Ирочка, – занимая освободившееся место на больничной кровати, сказал Ирин отец.

Той самой Иры, с которой Селани теперь имела несчастье познакомиться еще ближе. Мало того что перенеслась хмарь знает куда, так еще и оказалась в теле этой пероножки!

Селани чуть удар не хватил, когда вместо любимого отражения или на крайний случай сносной физиономии Десмонда в зеркале больничного туалета она увидела совершенно незнакомую девушку. Невысокую, тощую, какую-то изможденную. Под глазами круги, вся бледная, в области груди ни намек на грудь, щеки впалые, а волосы тусклые.

В общем, жуть жуткая.

Такую проще прибить, чем попытаться придать ей приличный вид.

И угораздило же так вляпаться! И как будет выбираться из всего этого... дурно пахнущего, Селани не представляла.

– Совсем ничего не помнишь? Что тогда случилось? Говорят, к тебе приезжала Лиля, – снова хмурился заботливый родитель.

Селани понятия не имела, кто такая эта Лиля и что и когда могло случиться. Да это ее и не интересовало. Куда больше мирэль Тонэ беспокоила перспектива оказаться в одном доме

с мамашей-наседкой и папашей-следопытом. За минувшие несколько часов он так ее достал своими вопросами, что она уже всерьез подумывала, чтобы ночью сбежать из этого дурдома.

Куда угодно.

– Не помню, не знаю, не представляю, – раздраженно отозвалась Селани.

Мужчина разочарованно вздохнул.

– Ничего, врач говорит, это нормально. Частичная потеря памяти, к сожалению, возможна в твоей ситуации, но со временем все восстановится и станет как раньше.

Селани вздрогнула, когда дверь в палату распахнулась. Она уже приготовилась к очередной порции словесного недержания и излияния материнской любви, но вместо Ольги Какой-то-там в палату вошел высокий светловолосый мужчина с огромным букетом цветов.

«Ничего себе отхватила!» – Бывшая актриса мысленно присвистнула.

Она помнила, как Ира говорила, что в родном мире у нее остался жених, но Селани и подумать не могла, что это будет *такой* жених. У нее сердце из груди едва не выпрыгнуло, когда Михаил склонился к ней и прижался губами к ее руке.

– Ириша, – проговорил низким глубоким голосом, от которого каждый волосок на теле как будто ожил. – Прости меня, идиота. Я не должен был улетать, не должен был тебя оставлять.

– Ничего, Миша, мы примчались сразу, как нам позвонили, и все время были с ней.

«Лучше бы вас со мной не было», – мрачно подумала девушка и осторожно высвободила руку из руки блондина, решив, что сейчас не время и не место пускать слюни по незнакомому мужчине.

Ей нужно домой, на Эону, к Демаре и своему телу, которое теперь осталось без призора. Селани боялась предположить, что может натворить в ее отсутствие эта пероножка. Особенно после никчемного дня рождения и ссоры с Демаре.

Вдруг все-таки уволится?

Селани поежилась.

– Оставлю вас. – С этими словами отец Иры поднялся и вышел в коридор.

– Ну как ты, малыш? – снова беря ее за руку, тихо спросил Михаил.

Ладонь его была теплой, пальцы сильные, а прикосновение оказалось на удивление приятным, хоть Селани не любила, когда незнакомые люди до нее дотрагивались. В основном рукопожатия и приветственные поцелуи вызывали у нее чувство брезгливости, желание отстраниться.

Но сейчас она лишь слабо улыбнулась:

– Устала.

Легкий поцелуй в запястье и чуть более долгий, обжигающий – в ладонь.

– Со мной такой бред в последнее время творился. Я не знал, что и думать. Уже готов был поверить, что ты попала в другой мир и что я должен отправиться за твоей душой.

– Фантазер, – нервно хихикнула девушка, чувствуя, как сердце в груди ускоряет свой ритм, а потом снова замирает, стоило ей поднять на него глаза. – И как бы ты отправился за моей душой?

– Да одна гаитянка навешала мне лапши на уши. Всучила какую-то бижутерию и даже слова так называемого заклинания записала. Типа это помогло бы нам с тобой воссоединиться в другом мире. Я же говорю, бред полный.

– О... – только и смогла выговорить Селани, не ожидавшая, что все окажется так просто. Браслеты. Заклинание.

Чувствуя, как силы к ней стремительно возвращаются, она вкрадчиво поинтересовалась:

– И что эти браслеты? Они с тобой?

– Оставил на острове.

«Вот идиот», – констатировала Селани.

– Андрюха грозился притащить их с собой, – весело добавил Ирин жених.



– Ой, а пусть притащит! – восторженно воскликнула девушка, кокетливо взмахнула ресницами и попросила: – Ты же мне их подаришь? Просто на память о твоём временном помешательстве.

Михаил негромко рассмеялся.

– Тебе, малыш, я подарю что угодно. И браслеты, и обручальные кольца. В следующий раз вместе полетим в Доминикану, как и собирались.

«Нет, все-таки хороший мужик», – мысленно решила Селани, отвечая на поцелуй мужчины, на прикосновение твердых, незнакомых, настойчивых губ.

– Меня завтра выписывают, – сказала она шепотом. – Ольга... мама моя... говорит, чтобы я к ним на первое время переехала.

Михаил отстранился, нахмурился и решительно проговорил:

– Нет, Ириш, больше никакого дома. С завтрашнего дня ты живешь со мной.

## Глава 2

### Короли и их приближенные

*Ира Илларионова*

То, что эта самая машина принадлежит алмазному величеству, я поняла, уже когда мы отъехали от здания местной полиции. То есть только теперь до меня дошло, что мне совершенно без разницы, кому она принадлежит, потому что единственно важным сейчас было узнать, что случилось с малышкой. А еще...

– Почему вы не сказали, что у Кристин могут быть приступы?! – разъяренной кошкой набросилась я на Демаре.

– Потому что их уже давно не было.

Судя по тому, сколько раз нам сигналили, его величество наплевал на все дорожные правила. Кстати, светофоров на улицах не было, и это я обнаружила только сегодня, зато имелось множество дорожных знаков, совершенно не похожих на те, с которыми была знакома по школе вождения.

– Давно? – прорычала я. – А вам не кажется, что няне следует об этом знать? Вы вверяете мне жизнь ребенка и даже не удосуживаетесь рассказать о том, что с ней может случиться что-то плохое!

– Вам-то какое дело? – ядовито процедило величество. – Вы же собрались увольняться.

За это я чуть не огрела его своим вещмешком, то есть пакетом с вещами по голове. Не огрела исключительно потому, что мы должны были добраться до больницы живыми, а я водить не умею. Точнее, умею водить нормальные машины, а не вот это. И со знаками буду разбираться дольше, чем в свое время с органической химией.

– Дело в том, что Кристин мне дорога, – буркнула я, решив, что пора признать очевидное и посмотреть правде в глаза. – И сейчас я готова придушить вас за то, что узнаю обо всем через голову вашего дрессированного дворецкого-доносителя.

– Жужжен мне действительно предан, – на удивление спокойно отозвался Демаре и замолчал, продолжая с такой скоростью петлять по улочкам и серпантинам Мальмара, что меня уже основательно подташнивало.

Впрочем, мне сейчас было не до Жужженов, их голов и даже не до собственного состояния, потому что когда увидела здание больницы (на фасаде выделялась надпись «Центральная лечебница Мальмара»), руки похолодели. Я вцепилась в пакет так, что тот жалобно затрещал, а Демаре скосил в мою сторону глаза.

– Приступы у Кристин начались сразу после исчезновения Жизель. Она всегда все держит в себе. Врачи говорят, в этом все дело. В ее неумении выплескивать эмоции.

– Как именно проявляются приступы? – спросила взволнованно.

– Она начинает задыхаться и теряет сознание.

Продолжить мы не успели: на подъезде к больнице образовалась пробка, и Демаре просто бросил машину посреди улицы, правда, не забыв открыть мне дверь и подать руку. Сейчас я даже возражать не стала и, пока мы бежали к больничному корпусу, молила богов (местных, земных, каких угодно!), чтобы с Кристин все было хорошо.

В палату нас проводили сразу же, и первое, что бросилось в глаза, – это крохотная фигурка на огромной кровати, завернутая в полупрозрачный мерцающий кокон. Глаза девочки были закрыты.

– Все в порядке, мируар Демаре, – поспешил заверить нас врач, высокий мужчина в бледно-сиреневом халате (такие же нам выдали на этаже, чтобы мы могли пройти в палату, вме-

сте с сиреневыми аналогами привычных мне бахил). – Приступ купирован, сейчас мы проводим восстановительную процедуру, после которой вы сможете забрать мирэль Кристин домой.

Демаре кивнул, даже не взглянув на доктора. Взгляд его был прикован к дочери, и в тот момент лицо Алмазного короля снова походило на маску, высеченную из камня.

– Кстати, мирэль Сервин...

– Кто? – Демаре раздраженно дернул бровью.

– Мирэль Сервин, ваша няня... Она очень перепугалась, и нам пришлось дать ей успокоительное.

– Папа, – донесся слабый голосок с постели.

Демаре не снес доктора с пути исключительно потому, что тот оказался шустрее и отскочил в сторону сам.

– Да, звездочка?

– Пап, мне было так страшно...

– Знаю, родная. Но теперь я рядом, и все будет хорошо.

Разорвав свечение, Демаре коснулся тоненькой ручки под искрящимся куполом, и я закусила губу. На меня посмотрели с явным неодобрением. Так и чувствовала, как врача распирает от желания поинтересоваться, кто я такая и что тут забыла, но я решила не удовлетворять его любопытство, потому как это порок, а также большое свинство – совать свой нос в чужие дела. Обхватив плечи руками, смотрела исключительно на Демаре, склонившегося над дочерью. Смотрела, как суровое выражение на его лице уступает место нежности и...

Отвернулась.

Потому что видеть его таким и знать его таким не хотелось. Пусть лучше в моей памяти останется мужчина, который волочил меня на своей магической удавке по всему дому. Так будет проще. Сфокусировавшись на этой мысли, я принялась изучать палату, в которой, как ни странно, не было и намека на известную всем аппаратуру. Щит, который сиял над Кристин, создавался скоплением странного вида белоснежных матовых кристаллов. Да, я помнила, что вся магия в этом мире исходит от камней, но этот аппарат (напоминающий гору наростов) видела впервые. Так же как и всякого рода датчики, в каждом из которых присутствовал хотя бы один камень. Врач, например, следил за состоянием девочки по странному напульснику с вмонтированным в него крохотным камушком. Судя по тому, что мне удалось заметить краем глаза, тот показывал частоту сердечных ритмов и давление.

Наверное, я бы и дальше продолжала рассматривать палату – занавеси на окнах, стены с изображениями героев детских сказок, небольшой столик и стулья в углу, кресла для посетителей, – если бы вдруг не раздался какой-то странный хлопок, а следом не зазвучал голосок Кристин:

– Зачем она пришла?!

Оторвав от пола взгляд, обнаружила, что свечение исчезло – видимо, восстановительный процесс завершился. Яростно сверкая глазами, девочка сидела на постели, а врач с тревогой смотрел на его величество и говорил:

– Мируар Демаре, я бы рекомендовал исключить любые волнения...

– Никаких волнений больше не будет, – отрезал Демаре, снова возвращаясь в состояние «король алмазный, отмороженный; количество – одна штука». – Мирэль Тонэ приехала со мной, Кристин, потому что очень за тебя переживала. А в том, что она от нас ушла, виноват я.

Девочка широко распахнула глаза:

– Ты?!

– Я, – на удивление смиренно подтвердило величество, отчего мне захотелось его чем-нибудь стукнуть, и распорядилось: – Выйдите.

От этого приказа врач подпрыгнул на месте.

– Но Кристин еще нужно пройти сканирование...

– Сначала мне нужно поговорить с дочерью.

Неодобрительно покосившись (почему-то на меня), доктор ушел, оставив нас троих одних.

– Я вел себя с мирэль Тонэ недостойно, – покался Демаре. – И за это прошу прощения. Вы же меня простите, мирэль Тонэ?

Ах ты, алмазный...

– Кристин, как ты себя чувствуешь? – предпочла сменить тему раньше, чем королю все-таки прилетело бы от меня по голове.

– Хорошо, – пробормотала мигом растерявшая боевой запал девочка.

Она переводила взгляд с меня на отца и явно ничего не понимала, а я отложила пакет с вещами и выяснение отношений на потом. Приблизилась к кровати, вглядываясь в лицо малышки. На щеках играл легкий румянец, и у меня отлегло от сердца. В конце концов, главное сейчас – Кристин, а не беспринципный манипулятор, который стоит справа.

– Я очень рада, – протянула ей руку, и девочка, поколебавшись, все-таки вложила в нее свою ладошку. – Я так переволновалась, узнав, что тебе стало плохо! Не пугай нас больше, пожалуйста, хорошо?

– Хорошо, – серьезно сказала малышка, глядя мне в глаза. – А вы к нам вернетесь, мирэль Тонэ?

Я почувствовала на себе взгляд Демаре.

– Не...

– Мирэль Тонэ хочет сказать, что ей нужно время, – ответили за меня. – И я ее понимаю. Понимаю? Понимаю?!

Да что вы говорите, понимающий наш!

– Мируар Демаре, на пару слов, – кивнула в сторону двери, но Демаре и тут перехватил инициативу.

– Кристин, мы ненадолго. Пусть доктор пока проведет сканирование. А потом мы поедем домой.

Кристин согласно кивнула и нехотя отпустила мою руку, я же, едва мы с врачом совершили рокировку – он в палату, мы из нее, ткнула пальцем в грудь Демаре:

– Вы. Что. Делаете?!

– А что я делаю? – поинтересовался этот непробиваемый тип.

– Вы играете нечестно!

– Я веду свое дело и могу сказать, что честность – не всегда лучший вариант.

Видимо, у меня было очень говорящее выражение лица, потому что Демаре нехотя признал:

– Согласен, это нечестно. Но вы им нужны, мирэль Тонэ. Вы же сами это видите и понимаете. Предлагаю оставить наши разногласия.

– Разногласия? – мягко и очень тихо переспросила я. – То есть под разногласиями вы понимаете десяток-другой метров катания по полу на вашей магической веревке?

– Я же попросил прощения!

– Ой, правда? – хмыкнула. – Ну так вот, я вас не прощаю.

Его величество поменялся в лице, такого ответа он явно не ожидал.

– То есть возвращаться вы не собираетесь? – хмуро поинтересовался он.

– Собираюсь, – кивнула сдержанно. – Но исключительно потому, как вы выразились, что я нужна девочкам. Я не хочу, чтобы из-за меня они страдали.

Прежде чем выражение лица Демаре сменилось на победное, я скрестила руки на груди.

– Я буду жить отдельно. Найду квартиру, по утрам вы будете присылать за мной водителя, а по вечерам он будет отвозить меня домой. Это первое.

Алмазный король приподнял бровь:

– Все няни моих дочерей живут в моем доме. Это не обсуждается.

– Обсуждается все, мируар Демаре, и вы как бизнесмен должны это понимать. Второе: вы будете выдавать мне зарплату два раза в месяц, чтобы я могла платить за аренду квартиры и покупать все необходимое. В выходных я особо не нуждаюсь, но если мне понадобится свободное время, вы мне его предоставите по первому требованию. Без вопросов и комментариев, – я особо подчеркнула эти слова, – куда и зачем мне нужно.

Судя по тому, как заиграли желваки у него на скулах, его бриллианство был недоволен. Очень недоволен, но тут уж я ничего поделать не могла, да и, признаться честно, не особо хотела. Я остаюсь не ради его удовольствия, а потому что хочу, чтобы Кристин и Аделин были счастливы – по крайней мере, пока я буду с ними рядом.

Пока в алмазных мозгах крутились бриллиантики, я терпеливо ждала.

– Хорошо, – буркнул наконец Демаре. – Что-то еще?

– Это, пожалуй, все. Но если вы дотронетесь до меня хотя бы... – Я выставила вперед палец. – Или коснетесь своей магической штукой...

В этот момент я осеклась и решила, что пора сворачиваться. Тем более что стоять рядом с ним вот так близко было очень странно, я чувствовала непонятный жар и пульсацию под браслетом (должно быть, из-за его перстня). Поэтому развернулась и направилась в палату, где доктор водил над головой Кристин каким-то прибабасом, напоминающим современный сканер или электронную игрушку, что была у меня в детстве. С той лишь разницей, что в моей игрушке не было драгоценных камней.

– Мирэль Тонэ! – воскликнула девочка, подпрыгнув так, что чуть не стукнулась макушкой об этот сканер, доктор едва успел отдернуть руку.

– Вы закончили? – поинтересовалась я.

– Да, – недовольно произнес врач и добавил, обращаясь уже к Демаре: – С мирэль Кристин все в порядке, но некоторое время придется последить за тем, чтобы у нее не было лишних тревог и беспокойства.

– Вы же последите, мирэль Тонэ? – Кристин пристально на меня посмотрела.

М-да, по характеру – вылитый отец.

– Если обещаешь чувствовать себя хорошо.

В конце концов, не только тем, у кого фамилия Демаре, можно манипулировать.

– Обещаю! – радостно согласилась Кристин.

– Ну тогда давай переодеваться. Мужчины, выйдите.

Мужчины покосились на меня, особенно тот, что на букву «Д», но я и бровью не повела, направляясь к саквоюжу, куда сложили платице и другие вещи Кристин.

– А как папа себя повел?

Я чуть не уронила платье, которое расправляла перед тем, как помочь девочке снять больничную рубашечку.

– Что значит – как?

– Ну, мама говорила, что вести себя недостойно – это топтать ногами, кричать или ругаться. – Кристин понизила голос. – Ругаться страшными словами.

– Ну, – осторожно начала я, помогая девочке выпутаться из балахонистой одежды, – он топал ногами и кричал.

– Громко?

– Громко.

– Вы испугались?

Можно и так сказать.

– Очень.

– И поэтому хотели от нас уйти?

– Нет, уйти я хотела не поэтому.

– А почему?

Уже почти и забыла, насколько это временами сложно – быть няней.

– Потому что, Кристин, если позволять на себя кричать и топтать ногами, со временем перестанешь себя уважать.

Девочка нахмурилась и, пока мы одевались, не сказала больше ни слова. Но когда я начала заплетать ей косу, повернулась ко мне с самым серьезным видом:

– Думаю, вы поступили правильно.

Я улыбнулась:

– Спасибо.

– И еще хотела сказать, что папа очень вспыльчивый. Совсем как я. Знаете, я ведь очень на вас разозлилась сегодня утром. Решила, что вы хотите нас бросить, потому что мы вам надоели. Потому что мы вредные и не всегда ведем себя хорошо, пачкаем одежду... И я тогда плохо поступила с Реми.

– Давай-ка договоримся так, – сказала я, завязывая ей бант. – Мы больше никогда не будем возвращаться к теме Реми. И уж тем более не будем говорить о том, что вы можете мне надоест, потому что это не так.

– Разве вы никогда на нас не сердились?

– Сердилась? Нет.

– Неправда!

Кристин строго посмотрела на меня, и я пожала плечами:

– Ладно, разве что самую малость.

Рассмеялись мы вместе, и в эту минуту меня окончательно отпустило. Ненадолго, потому что по телу прокатилась знакомая дрожь, а браслет разогрелся. Не нужно было даже оборачиваться, чтобы понять: в дверях стоит Демаре.

Впрочем, когда я обернулась, мне уже удалось справиться со своими донельзя странными чувствами. Поэтому я спокойно встретила его взгляд и довольно прохладно произнесла:

– Мы готовы.

Время летело незаметно. Оно ускорило свой бег и несло как сумасшедшее, если так можно выразиться: на самом деле я считала дни до путешествия в Ланси, и, к своему глубочайшему сожалению, отнюдь не потому, почему делала это раньше. Каждый день в обществе Кристин и Аделин казался мне чудом, и даже когда после завершения рабочего дня водитель отвозил меня домой, улыбкой на губах я была обязана именно им. Сказать, что близняшки стали шелковыми, – значит, ничего не сказать.

Они были семилетними девочками, которые очень хотели, чтобы их няня осталась с ними, поэтому и вели себя соответственно. На подготовительных уроках (им вскоре предстояло пойти в школу) они так старательно выполняли задания, что мне рядом с ними просто нечем было заняться. Я могла отойти к окну, задуматься или вообще читать книгу, а вернувшись к реальности, обнаружить, как старательно скрипят ручки, и увидеть уткнувшихся в тетради девочек.

В остальном все тоже обстояло неплохо.

После моего возвращения и увольнения новой няни Демаре снял запрет на прогулки (который наложил после исчезновения Жизель), и теперь мы с девочками после обеда выбирались в центр Мальмара или отправлялись гулять по пляжу. Послеобеденный сон тоже был отменен, чему Кристин и Аделин были несказанно рады.

– Мы теперь взрослые, – вздернула подбородок Аделин, когда Элоиз однажды после обеда язвительно поинтересовалась, почему девочки не в постели.

Кристин за спиной Жизелевой кузины надула губки и выпятила грудь с таким видом, что я чуть не поперхнулась и поспешила увести близняшек подальше от расфуфыренной мирэль Варан, явно загостившейся в доме Алмазного короля.

– Где ты этому научилась? – строго поинтересовалась я, стоило нам остаться наедине.

– Ну она же всегда так делает, – с самым невинным видом заявила Кристин, пока Аделин покатывалась со смеху.

В общем, это была самая грандиозная шалость за последние несколько дней.

А как девочки заботились о Реми! Они восприняли его появление с ответственностью, которой позавидовал бы любой взрослый. Кормили, расчесывали, выгуливали и играли, следили за тем, чтобы не пакостничал. Вязали бантики ему на шею (последнее фидруар терпел с таким выражением на морде, что я попросила сильно не увлекаться).

Демаре я попросту игнорировала – на грани вежливости конечно же. Стоило нам столкнуться в коридоре, как я делала нейтральное лицо, здоровалась и желала доброго дня (утра, вечера, нужное подчеркнуть). После чего отчитывалась все тем же нейтральным тоном, если меня спрашивали о близняшках, а если не спрашивали, прощалась и шла своей дорогой. Старательно не замечая, как Алмазного короля корежит от этой вежливости, а заодно и того, как браслет начинает обжигать руку и как под ним пульс отбивает ритм в такт бешено колотящемуся сердцу.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.